

ные средства подчинить единому идейному замыслу и создал на их основе свой единый стиль, из которого не выпадает ни один из элементов, каково бы ни было их происхождение. В сложной ткани повествования „Слова“ они не разделимы, хотя и сохраняют свою тональность, определяемую идейным назначением каждого данного эпизода.

Вот почему так трудно, точнее — невозможно — до конца решить вопрос о том, каков же жанр „Слова“. Автор воспользовался всеми возможностями, какие ему предоставляла не только книжная литература, но и устная поэзия, отлично ему знакомая и творчески освоенная в самой своей внутренней сущности.

Итак, вопрос о жанре „Слова о полку Игореве“ не может и не должен решаться так, чтобы этот гениальный памятник оказался ограниченным законами одного какого-либо литературного вида. В том и заключается особенная широта художественного дарования автора, что он сумел создать свой, неповторимый, жанр для выражения богатства мыслей и настроений, единых в своей целеустремленности, но многообразных по характеру и тональности. Вот почему ему, страстному публицисту, так по душе пришлись формы ораторской речи; горячему патриоту, стремившемуся разбудить чувство любви к родине и к трудовому народу, понадобились краски народной поэзии, рисовавшей родную природу и человека; певцу „славы“ Русской земле слышались песни народных певцов. Каждая линия в его творении требовала своей художественной формы, но скреплявшая их единая мысль придала единство и поэтической системе автора. Разнообразие формы отдельных эпизодов „Слова“ так же не препятствует цельности всего памятника, как не мешает оно воспринимать нам „Войну и мир“ в ее идейно-художественной целостности.

Определяя художественную природу „Слова“, мы должны с особым вниманием отнестись к вопросу о характере его отношения к устной народной поэзии.¹ Хотя этому вопросу посвящались исследования в течение всех 150 лет со времени первого издания „Слова“, однако долгое время весь пафос исследователей сосредоточивался на накоплении все большего числа параллелей к отдельным эпизодам и выражениям „Слова“ — из произведений устной поэзии — эпической, лирической, обрядовой, а также на изучении своеобразной ритмики „Слова“ на фоне устных песенных ритмов. Как ни богат собранный таким путем материал, он не решает вопроса о том, какова функция устной поэтики в художественной системе автора „Слова“, какова ее связь с идейным замыслом памятника, в чем заключается закономерность использования автором средств устной поэзии.

¹ Этому вопросу посвящена моя статья в книге: „Слово о полку Игореве“. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 291—319 (серия „Литературные памятники“). — В настоящем разделе излагаются основные выводы этой статьи.